

С колокольчиком — эпизод 2 из 2

Кликнул генерал старшего писаря, настроил папаше орленую бумагу: хочь по всей империи с бубенцами раскатывай, не то что по своему уезду.

Папаша полой усы обтер, крест-накрест с генералом почмокался да на ухо ему кой-чего и сказал: "Приписку, мол, на обороте, такую и такую нельзя ли сделать по энтому самому делу?"

Усмехнулся военный министр, однако перечить не стал - приписал. Выдали тут родителю обратный билет по первому классу, генеральша холодных каклет на дорогу выслала да мне шелковый платочек.

Доехал папаша благополучно. Из первого класса на своей станции с узелком вышел - борода вперед, живот гоголем, - начальник в красной фуражке так глаза и вылупил. Не иначе как Губарев подряд в Питере взял: на всю аглицкую нацию мятные пряники поставлять. Однако ж экипажа на мягких рессорах ему не подано...

Зашкандыблял старый хрен в свое село. Пташки поют, телеграфная проволока гудет, а папаше наплевать. Отмахал пять верст, достиг до своей резиденции.

Мамаша колобком с крыльца скатывается: "Ах да ох! Да куда же ты, орел, запропастился? Да чайку, соколик, не соизволишь ли? Да баньку, голубчик, не истопить ли?"

Отстранил он мамашу категорически - какая тут баня... Одно у него в думке: как бы ему скорей исправника выпарить, а сам-то успеет.

Приказал работнику в тую же минуту Серого запрягать. Сам в лабаз взошел, выбрал два бубенца-глухаря, которые побасистее, да к дуге их по бокам колокольчика и прикрутил. Для перебойного рокота, для густой политуры...

Покатил в уезд. Работник рядом на облучке кишки подобрал, удивляется: в игумны, что ли, хозяина произвели, экое дело он затеял. Однако молчит.

Потому мой папаша поведения кроткого - чуть на него не потрафишь, такую тебе выволочку задаст, что и фельдфебеля родной матерью назовешь.

Подъезжает он к городку, бубенцы скворчат, колокольчик подзывает.

Серый наш так пухом и стелется. Влетел с перезвоном в улочку, перед исправничьим домом чуть попридержался. Трах - ставни настезь, - его ско-родие в архалуке весь фасад на улицу выставил, баки по ветру, глаза пьявками, клюквой весь так и залился.

Не успел служивый холуек штанцы подтянуть, из сарая выскочить, аи родитель мой к самой оконнице подкатил да исправнику в баки орленую бумагу и сунул:

- Не шуми, роща, дубраву разбудишь... Теперь захочу, хочь Серому весь хвост

бубенцами изукрашу. Читай, ваше скородие!

Глянул исправник в бумагу, архалук запахнул да кота любимого, который с подоконника лапкой его теребил, так об пол и шваркнул. На ком боле злость сорвать... А папаша, умильный старик, тут пару и поддал:

- Переверни, господин, бумагу-то. Там для тебя самый смак-то и обозначен.

Обернул исправник папашин патент, а там и прописано, - хвост Фоме залупили да репей прицепили:

"Исправнику, имя рек, за то, что папашу рядового Губарева пятой роты Галицкого полка напрасно избил, - форменно воспрещается с колокольцами по своему городу-уезду раскатывать. Езжай, сукин кот, вглухую".

Съел он блин, даже и в маслице не омакнувши. Как у нас, братцы, говорится: приданое на грядке, а увечье на спине...

"Трень-брень, теле-пень, на нос валенку надень..."